

*Бенжамину
и для Рауля*

Оглавление

Пролог	8
I. Ребенок	11
II. Добыча	37
III. Захват	81
IV. Освобождение	121
V. Отпечаток	159
VI. Писательство	189
Постскриптум	216
Благодарность	217

Грассог

Детские сказки — источник мудрости. Именно поэтому они доходят до нас сквозь века. Золушка должна покинуть бал до полуночи, Красная Шапочка — не поверить Волку и его обольстительным речам, Спящая красавица — не уколоть пальчик о неотвратимо манящее веретено, Белоснежка — убежать от егеря и ни за что не откусить такое красное, аппетитное, уготованное

Я наконец ясно увидела

ей судьбой яблоко...

очевидное решение:
поймать охотника в его
собственную ловушку,
заточить его в книге.

Так много предостережений,
что юному человеку достаточно
всего лишь неукоснительно
им следовать.

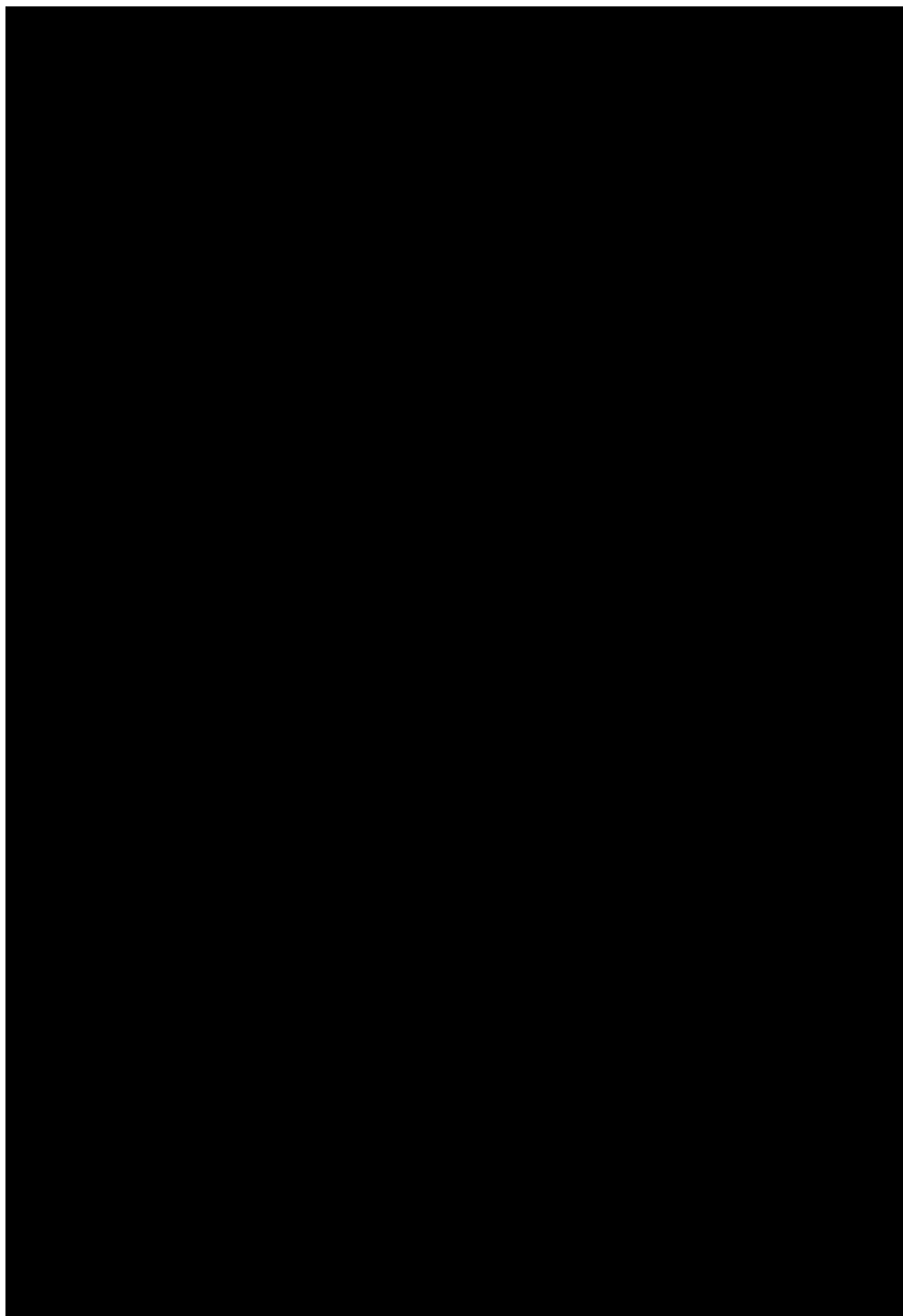
Одной из моих первых книг был сборник сказок братьев Grimm. Он был зачитан мною до дыр, все швы под толстой картонной обложкой разошлись, и страницы рассыпались одна за

другой. Оплакивая эту потерю, я была безутешна. В отличие от чудесных историй о бессмертных преданиях книги сами по себе оказались лишь бренными предметами, которым была уготована судьба рассыпаться в прах.

Еще не умея читать и писать, я мастерила их из всего, что попадалось мне под руку: газет, журналов, картона, скотча, бечевки. Чем прочнее, тем лучше. Сначала был предмет. Интерес к содержанию пришел позже.

Сегодня я смотрю на книги с недоверием. Между нами выросла стена из стекла. Я знаю, что они могут отравлять. Я знаю, какой ядовитый заряд они могут таить в себе.

Много лет я ходила по замкнутому кругу в своей клетке, мои сны были наполнены мыслями об убийстве и мести. Вплоть до того дня, когда я наконец ясно увидела очевидное решение: поймать охотника в его собственную ловушку, заточить его в книге.

1

Ребенок

Наша мудрость начинается там, где она заканчивается у автора. Мы хотели бы, чтобы он дал нам ответы, тогда как он может лишь возбудить в нас желания.

Марсель Пруст, *О чтении*

На заре моей жизни, будучи абсолютно неопытной, я называла себя В. и с высоты своих пяти лет ждала любви.

Отец для дочери — каменная стена. Мой был не более чем дуновением ветра. Воспоминания о нем сводятся не к его физическому присутствию в моей жизни, а скорее к аромату ветивера, наполнявшему ванную комнату ранним утром, разложенным тут и там мужским вещам, галстуку, часам, рубашке, зажигалке Dupont, к привычке держать сигарету между указательным и средним пальцами, достаточно далеко от фильтра, и неизменно ироничной манере говорить так, что я никогда не была уверена, шутит он или нет. Он рано уходил из дома и поздно возвращался. Это был очень занятой мужчина. К тому же очень элегантный. Сферы его профессиональных интересов менялись так стремительно,

что я не успевала уловить их суть. Когда в школе меня спрашивали, кем работает отец, я не знала, что ответить. Но все всякого сомнения, он занимался чем-то очень важным, поскольку внешний мир привлекал его гораздо больше, чем домашнее хозяйство. По крайней мере, мне так казалось. Его костюмы были всегда безупречны.

Я родилась, когда моей маме было всего двадцать лет. Красивая блондинка с мягкими чертами лица, светло-голубыми глазами, стройной женственной фигурой и приятным тембром голоса. Я обожала ее безмерно, она была моим солнцем и счастьем.

Бабушка часто повторяла, что мои родители были идеальной парой, на том основании, что они обладали внешностью кинозвезд. Казалось, мы должны быть счастливы. Однако в моих воспоминаниях наша жизнь втроем в той квартире, где я испытала мимолетную иллюзию семейной гармонии, обернулась кошмаром.

По вечерам, спрятавшись под одеялом, я слушала, как отец кричит и обзывает маму «тварью» или «шлюхой», и совершенно не понимала почему. Для вспышки ревности ему было достаточно малейшего повода, детали, взгляда, «неловкого» слова. Они в любой момент могли начать сотрясать стены, бить посуду и хлопать дверьми. С маниакальной одержимостью он не выносил, когда предметы пе-

реставляли без его согласия. Однажды отец чуть не задушил мою мать, потому что она разлила бокал вина на скатерть, которую он ей подарил. Вскоре подобные сцены стали происходить все чаще. Этот раскручивающийся с безумной скоростью маховик никто уже был не в силах остановить. Отныне мои родители могли часами напролет осыпать друг друга самыми чудовищными оскорблениями. До поздней ночи, пока мама наконец не убежала в мою комнату, чтобы поплакать в тишине, прижавшись ко мне на узкой детской кровати. В итоге она ложилась спать в пустую супружескую постель одна. Следующую ночь отец снова проводил на диване в гостиной.

В противостоянии таким неконтролируемым приступам гнева и капризам избалованного ребенка мама исчерпала все свои ресурсы. И не было никакого спасения от безумств этого мужчины, как принято говорить, со сложным характером. Их брак превратился в бесконечную войну, побойше, о причине которого все уже забыли. Вскоре конфликт был урегулирован в одностороннем порядке. На это потребовалось всего лишь несколько недель.

И все же эти двое, должно быть, когда-то любили друг друга. Их сексуальная жизнь, проходившая в глубинах бескрайнего коридора, за дверью спальни, была для меня неким темным пятном, где скры-